

Французская армия 6 сентября*¹ 1812 года: подготовка к Бородинской битве

Бородинское сражение, как центральное событие Отечественной войны 1812 г., нуждается в создании многоплановой, научно достоверной картины. Это, в свою очередь, требует кропотливой работы по изучению отдельных сторон, событий и эпизодов великого сражения. Большой интерес в этой связи вызывает день 6 сентября, своеобразная передышка перед решающим актом грандиозной битвы. Обращение к событиям этого дня позволяет решить ряд важнейших проблем, связанных со всем сражением в целом. Как сложился и что представлял собой план Наполеона на 6 сентября? Какими силами и средствами он располагал? Как французы оценивали силы русской армии и характер русских укреплений? Эти и целый ряд других вопросов до сих пор не нашли должного освещения не только в отечественной, но и в зарубежной литературе, поэтому они стали предметом нашего внимания. Статья основана на широком круге опубликованных документов, воспоминаний и работ участников событий, главным образом с французской стороны, а также на более поздних исследованиях.

К вечеру 5 сентября Шевардинский редут оказался в руках французов. Сражение, как предполагал Наполеон, должно было возобновиться утром 6-го, если только русская армия снова не предприняла бы попытки покинуть поле битвы. Еще во второй половине дня 5 сентября Наполеон побывал на левом фланге своей армии, внимательно осмотрел русские позиции с высот пред с. Бородино. В ходе Шевардинского боя он смог получить общее представление и о левом фланге русской армии. Взятие Шевардинского редута, по мнению Ж. Шамбрэ, артиллерийского полковника, участника событий и историка, открывало возможность легко приблизиться к русским позициям в районе Семеновского оврага, так как теперь никакие естественные препятствия серьезно не могли этому помешатьⁱ. По свидетельствам А. Коленкура, обер-штабмейстера, Ф.-П. Сегюра, главного квартирьера Главной квартиры императора, и Ж. Раппа, генерал-адъютанта императора, Наполеон поздно вечером 5 сентября приказал провести рекогносцировки и отдал предварительные приказы на сражение утром следующего дняⁱⁱ.

Как он предполагал действовать? Прямых указаний на этот счет нет. Но анализ расположения французских корпусов в ночь после Шевардинского боя позволяет предполагать, что Наполеон не был готов к началу генерального сражения утром 6-го сентября. Во-первых, было необходимо подтянуть 3-й и 8-й армейские корпуса (они только начали движение от Колоцкого монастыря), кавалерийский корпус Латур-Мобура (находился где-то между Колоцким и д. Головиной), резервную артиллерию и парки, развернуть их; во-вторых, не были ясны намерения русских (Наполеон не мог исключить не только возможность неприятельского отхода, но и возможность русской атаки 6-го сентября, особенно с целью вернуть Шевардинский редут). И все же направление главной атаки русских позиций стало уже определяться. Захватив Шевардинский редут, Наполеон создал условия для давления на левый фланг русских, который не был прикрыт серьезными естественными препятствиями, что, помимо прочего, позволяло Наполеону

* Все даты приведены по новому стилю.

использовать кавалерийские массы. Но для окончательного решения о направлении атаки нужно было удостовериться в безопасности своего левого фланга и провести детальную рекогносцировку местности, которую император начал утром 6-го сентября.

Несмотря на «хрестоматийность» этого события, сюжет оказался чрезвычайно запутан. Шамбрэ и Ж.Пеле писали о рекогносцировке в общих чертах. Из воспоминаний Сегюра, Раппа, полковника Л. Гриуа, начальника артиллерии 3-го корпуса резервной кавалерии, К. Колачковского, офицера из 5-го (польского) корпуса, Г. Брандта, офицера Легиона Вислы, и других также создается весьма размытая картина. Более убедительны свидетельства П.-П. Денье, инспектора смотров в кабинете начальника Главного штаба, А. Коленкура, А.-Ж.-Б. Фэна, секретаря Наполеона, Л.-Ф. Фантена Дез Одара, офицера гренадеров Старой гвардии, и некоторых других. Опираясь на их свидетельства, историки А. Тьер, Ж. Тири, Д. Чэндлер, К. Даффи и К. Кэйт выделяют две рекогносцировки, а П. Бриттен Остин — три, но и у этих авторов остается много неясностей и противоречий.

На основе сопоставления наиболее достоверных материалов можно предполагать, что были две длительные рекогносцировки. Первая началась в два утраⁱⁱⁱ и закончилась в 9 – начале 10-го. Примерно в 14 часов с минутами началась вторая рекогносцировка, которая продолжалась также довольно долго («до вечера» — в мемуарах А. Коленкура, до шести часов вечера — в его «Дорожном дневнике»). Поздно вечером Наполеон еще раз приближался к русским позициям, пытаясь удостовериться в намерениях неприятеля дать сражение (по свидетельствам Пеле и Фэна)^{iv}.

Итак, первая рекогносцировка началась рано утром, еще в темноте. Когда стало светать, туман, лежавший в лощинах вплоть до восьми утра, создавал серьезные трудности для обзора местности, по которой вели огонь застрельщики... Источники дают противоречивую информацию о том, кто именно сопровождал Наполеона в первой поездке. Брандт, который видел императора рано утром, в тумане, пишет о генерале Сорбье, гвардейских егерях эскорта, «польской коннице» и нескольких офицерах, следующих рядом с императором и на некотором от него удалении. Полковник Л.-Ф. Лежен уверяет, что с Наполеоном был он сам, А. Бертье, Е. Богарнэ и еще два офицера без какой-либо иной свиты. Фэн пишет, что Наполеона сопровождали Коленкур и Рапп, «которые этой ночью несли службу», а также «несколько егерей эскорта». К. Колачковский, увидевший Наполеона, когда тот приехал уже на правый фланг, говорит о Мюрате и «целом штабе». Наконец, А. Коленкур, самый авторитетный свидетель, который, без сомнения, сопровождал Наполеона, отмечает среди свиты князя Невшательского (Бертье). По всей видимости, состав сопровождавших Наполеона высших офицеров не раз менялся, в зависимости от того, чьи войска находились на том или ином участке линии. Однако очевидно, что наиболее авторитетным свидетелем является Коленкур, хотя и в его мемуарах есть некоторое «наложение» событий, что заставляет нас обращаться одновременно к его «Дорожному дневнику» и другим свидетельствам.

Первоначально, еще в темноте, Наполеон едет в район Шевардинского редута; оттуда, под прикрытием тумана и находившегося к северо-востоку леса, ему удалось близко подъехать к центру русских позиций. Отсюда он наблюдал Курганную высоту, а сбоку — район р. Каменки и Семеновского оврага^v. Затем Наполеон едет на левый фланг, обследует его «вплоть до сторожевых постов». Потом снова возвращается к центру, где, вероятно, он объяснил Богарнэ «все диспозиции на месте». Вслед за этим Богарнэ начал возводить укрепления с целью

«привлечь внимание неприятеля и обеспечить опорный пункт (pivot) и сообщение армии» (Пеле). Далее император отправляется на крайний правый фланг. Колачковский достаточно подробно описывает посещение Наполеоном расположения 5-го корпуса. Он пишет, что Наполеон и Мюрат прибыли с «целым штабом» к польскому лагерю, «расположенному на захваченной вчера позиции, и некоторое время оставались там, исследуя неприятельское расположение; рядом с нашим лагерем действовали русские егеря, которые ограничивали возможность обзора». С холма, на котором стоял Наполеон (по словам Пеле, это была одна «из высот, находившихся между Дорониным и Утицею»; отсюда Наполеон смотрел в подзорную трубу, положенную на плечо Мюрату) было видно главным образом море зарослей, протянувшихся в глубину и вправо неприятельской позиции. Справа обозначалась Старая Смоленская дорога, проходившая через Утицу. Влево русская позиция просматривалась яснее, но зато пространство было покрыто оврагами. Линия русского лагеря, в котором виднелось много людей, простиралась так далеко, как было видно. Здесь Наполеон дал свои инструкции Понятовскому. По мнению и Колачковского, и Пеле, инструкции сводились к тому, чтобы Понятовский двигался к Утице, «опрокинул все, что встретится на пути»; затем поворотом влево помог бы атаке русских позиций в районе Семеновского оврага. Затем Наполеон опять возвратился к центру, пройдя близко от русских аванпостов, и поехал к Валуево.

Возвратившись в ставку, Наполеон «объявил о приказе на день, по которому армия должна была в оставшееся время подготовиться к битве на следующий день». Что представлял собой этот приказ, завершивший первую рекогносцировку? Если и был его текст, то он, вероятно, не сохранился. По всей видимости, это было общее распоряжение относительно того, чтобы армия готовилась к сражению на следующий день^{vi}. Дело в том, что все утро не было ясности в отношении намерений неприятеля. Теперь наконец император окончательно решил дожидаться следующего дня, если, однако, русские сами не атаковали бы днем 6-го.

Утренняя рекогносцировка 6-го сентября подтвердила первоначальные впечатления Наполеона о важности южного фланга. Распоряжения, отданные вице-королю, должны были обезопасить северный фланг и сделать его опорной точкой для захождения правым крылом. Конкретный план этого захождения еще не был до конца ясен. Коленкур полагал, что Наполеон колебался — «сделать ли глубокий маневр правым крылом, чтобы обойти позицию неприятеля... или же занять такие позиции — это облегчалось взятием двух редутов (имеет в виду Шевардинский редут. — В.З.), чтобы иметь возможность атаковать неприятельский центр с фронта и с тыла, начав атаку правым крылом»^{vii}. Но опасения возможного отхода русских, вследствие попытки их глубокого обхода, убедили Наполеона принять второй вариант.

6 сентября в ставку императора приехали префект двора Л.-Ф.-Ж. де Боссэ и капитан Ш.Фавье, адъютант командующего французскими войсками в Испании маршала Мармона. На обстоятельствах их приезда считали своим долгом остановиться все историки и писатели, касавшиеся Бородинского сражения. Между тем не ясно, когда точно Боссэ и Фавье приехали, когда портрет Римского короля был выставлен перед палаткой императора и когда Наполеон беседовал с Фавье. Обращение к свидетельствам современников также дает противоречивую картину. Пеле, Коленкур в своих мемуарах, М.Фезенсак, адъютант Бертье, пишут, что Боссэ приехал после полудня, а император увидел портрет сына и прочитал письма императрицы Марии-Луизы, возвратясь из рекогносцировки. Из какой рекогносцировки? Можно решить, что из второй, закончившейся либо в 18 часов,

либо не ранее 17-ти. Но Брандт видел портрет Орленка, выставленный у палатки, и слышал рассказ о том, что сказал император, глядя на портрет, уже в четвертом часу^{viii}. Главное, сам Боссэ утверждает, что прибыл в лагерь «в 9 часов утра, к палатке императора». Портрет, выставленный снаружи палатки, пишет далее Боссэ, «оставался там весь день»^{ix}. Невозможно предположить, чтобы Наполеон, возвратясь из первой рекогносцировки, не обратил на Боссэ ни малейшего внимания. Думается, что встреча префекта двора с императором состоялась поздним утром, примерно около 10 часов. Фавье приехал позже, но, вероятнее всего, тоже до начала второй рекогносцировки. Возможно, вечером император беседовал с ним еще раз.

Если письма императрицы и портрет Орленка оживили императора, улучшили его настроение и укрепили его дух, то известия о неудачах Мармона при Арапилах, казалось, должны были произвести неприятный эффект. Однако «эстафета из Парижа, — по словам Коленкура, — уже несколько дней тому назад принесла императору первое сообщение об этом..Русские дела в данный момент были слишком серьезны для того, чтобы его заботили неудачи герцога Рагузского (Мармона. — В.З.) в Испании ...Англичане заняты там. Они не могут покинуть Испанию, чтобы сразиться со мной во Франции или в Германии. Вот что важно для меня»^x, — заявил Наполеон Коленкуру на следующий день.

Во время беседы с Фавье Наполеон пытался узнать подробности испанских событий, расспросил о ране Мармона. Хотя испанские дела не могли обрадовать Наполеона, и он «смутно угадывал все последствия этого несчастного события» (Фэн), в целом рассказ Фавье был им воспринят спокойно, даже «с какой-то насмешливостью». Отсылая Фавье, император сказал, что «восстановит завтра на берегах Москвы то, что было совершено при Арапилах» (Тьер). Фэн услышал, как вскоре Наполеон стал насвистывать арию из оперы Жана-Батиста Люлли^{xi}. В два — начале третьего часа пополудни Наполеон отправился на вторую рекогносцировку. Император хотел лучше разглядеть местность и русские позиции, а также увидеть перемены, произошедшие днем в русском лагере. Необходимость второй поездки диктовалась и слухами о готовности русских снова начать отступление^{xii}. Рапп, отправленный ранее на разведку и возвратившийся около двух часов в ставку, увидел Наполеона разговаривающим с Мюратом. Сведения, принесенные Раппом, убедили Мюрата в том, что надо готовиться к бою. «Однако другие генералы продолжали считать, что русские не рискнут и уйдут без сражения». Рапп был противного мнения и стал убеждать, что русские атакуют французскую армию, если она их сама не опередит. Наполеон, как и Бертье, согласился с Раппом, после чего император потребовал своих лошадей и отправился на рекогносцировку^{xiii}.

По всей видимости, во второй раз император начал осмотр с левого фланга, проехав довольно долго вдоль р. Войны, а возможно и перейдя ее. Наполеон «долго всматривался в русские биваки без помех» (Денье), чему способствовал «туман от дождя» (Фэн). Вероятно, проезжая с левого фланга на правый, возле с. Бородино, Наполеон был обстрелян русским оружием. Проследовав на правый фланг, Наполеон окончательно убедился, «что линия русских продолжается облическим образом, пересекая Московскую дорогу, до высоты большого леса, на который опирался наш (французский. — В.З.) правый фланг...» (Денье). По словам Денье, Наполеон увидел, что «многочисленные редуты прикрывают позиции русских». Утром у Наполеона не было уверенности в «облическом загибе русских позиций»; именно поэтому он предполагал русскую атаку Шевардинского редута. Теперь же,

когда он ясно увидел возводимые на южном фланге укрепления, русская линия уже определенно предстала в «облическом» виде. Это «окончательно убедило его, что он не ошибся: по своему возвращении он отдал соответствующие приказы» (Рапп). Наполеон окончательно решил начать главную атаку из района Шевардинского редута.

Конечно, ни первая, ни вторая рекогносцировки не позволили Наполеону до конца понять своеобразие местности и расположения русских войск. Пеле пишет: «Глубокая картина была покрыта лесом, что скрывало вторую и резервы русских». Тот же Пеле отмечает, что «сгруппированные на левом фланге, реданты были отделены от Семеновского и бастионного редута восточной ветвью оврага. Здесь оставалось большое незанятое пространство. Русские пренебрегли занять разветвление оврага, узел обороны верхних и нижних частей... Мы не могли воспользоваться этой небрежностью, потому что леса скрывали от нас расположение местности». Вслед за Пеле к такому же мнению приходит английский историк Даффи. Он пишет, что Наполеон ошибся в оценке местности в районе Каменки и истоков Семеновского оврага, а также счел, что Курганная высота и Багратионовы флеши стоят «на одном гребне», вследствие чего и решил взять их одновременно^{xiv}.

В целом, несмотря на ряд частных ошибок, Наполеон хорошо понял и верно оценил характер местности, в том числе в районе Багратионовых флешей (он не мог видеть только «третью флешь») и примыкавших к ним участков. Наполеон, вероятно, даже заметил небольшое укрепление, которое русские возводили «на развалинах Семеновской деревни» (Пеле).

Как же оценивали французы характер русских укреплений? По мнению Денье, «позиции русских были хорошо защищены». Лежен считал, «что линия врага была защищена потрясающими позициями, хорошо укрепленными, с редутами и редантами, в которых были пушки». Но это крайняя точка зрения. Гораздо более убедителен Фэн и особенно текст 18-го бюллетеня Великой армии: «Позиция была хорошо укреплена и давала возможность маневрировать и ретироваться. Но это (атака такой позиции) составляло честь, и эта позиция не была в такой степени сильной, чтобы отказаться от возможности сражаться. Было видно, что редуты не были закончены, рвы были неглубокими, не было палисадов...»^{xv}

Общие русские силы оценивались Наполеоном в 120-130 тыс.^{xvi} Многократные ссылки французских авторов на слова Наполеона, сказанные на о-ве Св. Елены о том, что он полагал силы русских в 170 тыс., явно не подтверждаются. В целом, если оценивать численность русской регулярной армии, штаб Наполеона если и ошибался, то незначительно.

Какова была численность французской армии, точнее, главных сил армии Наполеона, к утру 7 сентября? Наиболее важными источниками продолжают оставаться материалы переключки 2 сентября в Гжатске, которые дошли до нас благодаря публикациям Шамбрэ и Пеле (в архивах эти материалы до сих пор не выявлены). При этом данные Пеле и Шамбрэ вполне согласуются между собой, отличаясь только тем, что Шамбрэ не выносит отдельно численность артиллерийской прислуги, а Пеле не учитывает тех солдат, которые, будучи откомандированными, должны были присоединиться к главным силам в течение пяти дней. Наконец, Шамбрэ, в отличие от Пеле, учитывает силу 4-го корпуса резервной кавалерии, хотя и округляет ее. Общая численность французской армии по Шамбрэ — 133 тыс. 819 чел. Но может ли эта цифра считаться окончательной?

Для того чтобы внести поправки, следует произвести с данными Шамбрэ следующие действия.

1. Следует прибавить численность 2-й легкой кавалерийской дивизии Пажоля, присоединившейся 6 сентября (примерно 1500 сабель) и прибавить строевых чинов Главной квартиры (примерно 3000 чел.).

2. Следует вычесть: боевые потери со 2 по 5 сентября (только 5 сентября французы потеряли 4-5 тыс. человек и 3 орудия); боевые потери 6 сентября (по нашему мнению, они составили более 500 чел.; только 30-й линейный полк дивизии Морана потерял 300 чел., были потери и в других полках 1-й дивизии, в дивизии Фриана, в 5-м пехотном корпусе); небоевые потери за 2-6 сентября (примерно по 300 чел. в день).

В целом получается цифра примерно 126-127 тыс. строевых чинов при 584 орудиях^{xvii}.

Почти все авторы, повествующие о Бородинском сражении, считают долгом остановиться на возможности глубокого обхода русских войск на южном фланге, что позволило бы французам обойти Багратионовы флеши, избежав тем самым больших потерь. Это предложение, по свидетельству Сегюра, исходило от Даву во время второй рекогносцировки. Тьер относит это событие к более позднему времени, когда вторая рекогносцировка уже была закончена, и Наполеон формулировал свои приказы на следующий день. Маршал предлагал задействовать для этого обхода не только 5-й, но и 1-й армейский корпуса. Комбинированные действия этой группировки с главными силами французов могли бы привести к дезорганизации армии Кутузова, которая оказалась бы отброшенной в мешок между Колочей и Москвой. Наполеон не принял предложения Даву, бросив, согласно тому же Сегюру: «Вечно вы со своими обходами! Это слишком опасный маневр». Коленкур, Фэн, Пеле, Фезенсак и некоторые другие современники событий пишут об этом эпизоде более неопределенно (Фезенсак: «Говорят, что кто-то советовал Наполеону маневрировать справа...» Пеле вообще скептически отзывается о критиках, «относительно советов, поданных будто бы Наполеону...»). Г. Гурго, ординарец Наполеона, скорее оспаривает саму критику Сегюра в отношении правомерности диспозиции Наполеона, чем останавливается на самом эпизоде. И все же подобный разговор Наполеона с Даву не является фантазией Сегюра, он имел место. Это подтверждается хотя бы тем, что за 10 лет до выхода книги Сегюра генерал Водонкур в 1815г. вполне определенно писал о мнении Даву продвинуться далеко в дефиле в районе леса, через который идет Старая Смоленская дорога. Существуют и свидетельства тому, что Даву 6 сентября действительно углублялся в Утицкий лес вместе с генералами Понятовским и Фрианом^{xviii}. Кажется, идея о таком обходе вообще витала в воздухе. Поляки, находясь весь день в перестрелке в районе Утицкого леса, обнаружили слабое сопротивление неприятеля. «Сопротивление русских в этом пункте было не совсем таким, каким оно должно было бы быть и каким оно было в других местах», — отмечал Коленкур, повествуя о колебаниях Наполеона насчет маневра на южном фланге. Наполеон был даже обескуражен, не найдя крупных русских сил в районе Старой дороги. Пеле отмечает, что, по расчетам Наполеона, русская армия должна была располагаться между двумя дорогами; между тем северный ее фланг странно погибался, оставаясь большой загадкой для императора, а южный фланг не менее странно обрывался, не дойдя до Старой дороги.

К тому времени, как Даву обратился к Наполеону со своим предложением

обойти левый фланг русских, император уже принял окончательное решение. Он решил не рисковать и атаковать Семеновские укрепления фронтально, двинув по Старой дороге только корпус Понятовского с намерением совершить исключительно тактический обход. Сравнительно немногие авторы осуждали Наполеона за такое решение (Водонкур, Эспозито и некоторые другие), подавляющее большинство историков и военных писателей оправдывали Наполеона. Они обращали внимание, во-первых, на возможность отхода русских, если бы те увидели признаки стратегического обхода (Гурго, Коленкур, Фэн, Фезенсак, П. Хольцхаузен, А. Геруа, Чэндлер, Даффи, Р. Рьен, Дж. Нафзигер); во-вторых, на опасность разделения французской армии на две части, совершенно отделенные одна от другой (причем сорокатысячный отряд продвигался бы ночью через лес по слабо знакомой местности), что в случае ответных маневров врага могло бы закончиться весьма плачевно (А. Тьер, М. Кукель, Чэндлер, Даффи и др.); в-третьих, на то, что сказалось понятное нежелание Наполеона отдаляться от основной коммуникации — Новой Смоленской дороги (Пеле справедливо пишет, что «император не мог протянуть свой правый фланг, не отдалив его совершенно от дороги») (Пеле, Кукель); в-четвертых, на недостаточно удовлетворительное состояние французской артиллерии и кавалерии, а это автоматически ограничивало возможности широкого маневра (Чэндлер, Даффи); в-пятых, на то, что Наполеон высоко оценивал ожидаемое сопротивление русских, зная по своему опыту и на основе изучения истории военных кампаний, что русские могли оказывать сопротивление даже при разрыве коммуникационной линии (Клаузевиц, Чэндлер); и, наконец, Даффи добавляет состояние летаргии, в которое все более погружался Наполеон. Мы полагаем, что все эти факторы предопределили не только отказ Наполеона от предложений Даву, но и характер всего Бородинского сражения.

Каков же был основной замысел Наполеона в отношении предстоящего сражения? Сохранившиеся общие и частные приказы дают возможность воссоздать общую картину этого плана^{xix}.

Итак, 5 и 6 сентября центр ожидавшегося сражения оставался в районе Новой Московской дороги. Наполеон, хотя и осуществлял главный нажим на южный фланг русских, продолжал держать основные войска вдоль главной коммуникационной линии. В ночь на 7-е центр французской армии, а с ним и центр сражения переместился южнее Новой Смоленской дороги — к Шевардинскому редуту, откуда французы намеревались атаковать русских на относительно небольшом пространстве от северной кромки Утицкого леса до Курганной высоты. Таким образом, центр и правый фланг французской армии, опираясь на группировку Богарнэ (которая, как мы уже отметили вслед за Пеле, должна была стать опорной точкой), должны были совершить захождение, оттесняя русских в мешок, созданный Москвой и Колочью, с возможным разрывом их коммуникационной линии где-то восточнее д. Татариново. Причем Наполеон, действуя на поле, разделенном Колочью на две неравные части, и имея силы, равные неприятельским, попытался использовать принцип «двойного сражения» (Чэндлер): войска Богарнэ, первоначально обеспечивая только безопасность левого фланга и центральной коммуникации (с отвлекающей диверсией на с. Бородино), должны были, в случае успеха в центре и на правом фланге, захватить Курганную высоту, фактически становясь частью центральной группировки. Передача двух дивизий корпуса Даву, корпуса Груши и легкой

кавалерийской бригады Гийона в распоряжение Богарнэ определялась не только необходимостью безопасности северного фланга от любых неожиданностей (Фэн, Сегюр, Тири) и необходимостью укрепить опорную точку для войск Нея и Даву (Пеле), но и стремлением использовать эти войска для успешного наступления южной группировки после захвата Семеновских укреплений. Равным образом и действия войск Понятовского, предназначенных для диверсии в районе Старой Смоленской дороги и Утицкого леса, должны были поддержать войска Даву в случае его успешных действий в районе флешей^{xx}.

Как должны были действовать войска центральной группировки, предназначенные для атаки флешей и д. Семеновское? Окончательный вариант определился после того, как состоялась встреча Наполеона с Компаном^{xxi}. Согласно Гурго, Наполеон вызвал Компана, чтобы объяснить ему задачу по атаке «редута, расположенного на нашем крайнем правом фланге». Генерал предложил пройти своей дивизией по лесу, чтобы избежать действия картечи. Ней, который присутствовал при разговоре, стал уверять, что это может вызвать расстройство движения. Компан настаивал на своем, утверждая, что обследовал лес и установил, что он проходим. Наполеон согласился с мнением Компана. Тогда генерал поделился опасениями за свой правый фланг, обеспокоенный возможностью русской атаки между частями Понятовского и своей дивизии. Император разделил опасения Компана, распорядившись передвинуть дивизию Дезе правее^{xxii}.

Дивизия Фриана должна была оставаться в резерве в районе Шевардинского редута. 3-й и 8-й армейские корпуса должны были начать движение после удачных действий Компана, как бы вторым эшелоном (в приказах и в рапорте Нея направление атаки не указано, но вероятно, исходя из обстановки, направление было на северную флешь и д. Семеновское). Успех пехотных частей предполагалось подкрепить введением в бой трех корпусов резервной кавалерии (1-го, 2-го и 4-го), а в случае необходимости — и частями Молодой гвардии. Наполеон особо отмечал необходимость действовать «в порядке и методически, сохраняя по возможности войска в резерве». Причем резервы должны были быть не только значительными, но и достаточно сближенными с передовыми частями, а войска каждой дивизии следовало вводить в бой постепенно, побригадно. Такой порядок давал Наполеону возможность, во-первых, избежать неожиданностей; во-вторых, сразу начать бой с большим напряжением; в-третьих, быстро развивать успех в любой точке прорыва русских позиций.

Особую роль должна была сыграть французская артиллерия. Прежде чем определить, сколько орудий, каких и каким образом Наполеон сконцентрировал в полосе предполагавшегося прорыва, сделаем два важных замечания. Во-первых, в армии Наполеона на вооружении состояли орудия многих калибров. Наряду с унифицированными пушками 4-, 8- и 12-фунтов были калибры 3- и 6-фунтовые. Причем нередко в документах 4— фунтовые пушки значились как 3-фунтовые, а 8-фунтовые — как 6-фунтовые пушки. Особенно большая путаница существовала в обозначении калибра гаубиц, который обозначался в одних случаях в фунтах, в других — в дюймах, причем нередко с округлением.

Во-вторых, в исторической литературе установилась традиция считать, будто из 587 орудий французской армии в Бородинском сражении только 10% составляли батарейные орудия (М.И. Богданович, А. П. Скугаревский, Даффи и др.). Если относить к батарейным орудиям только 12-фунтовые пушки и 8-дюймовые гаубицы, то на начало русской кампании по армейским частям их

было более 14%. По гвардейским частям накануне Бородинского сражения 12-фунтовые пушки и 8-дюймовые гаубицы составляли, по нашим подсчетам, чуть более 22%. Если к батарейным орудиям отнести и 8-фунтовые пушки, то эти цифры увеличатся значительно^{xxiii}.

Именно из этих 12- и 8-фунтовых пушек и 8-дюймовых гаубиц было сформировано несколько стационарных батарей. Орудия более мелкого калибра были соединены в мобильные батареи. Согласно распоряжениям императора, ночью было сооружено два эполемента для артиллерии; их делали «из фашин и мешков с песком» (Фоссен). Левая батарея была расположена напротив д. Семеновское; там должны были занять позицию 16 тяжелых пушек и 8 гаубиц 3-го армейского корпуса под командованием генерала Фуше. Правая батарея, построенная для 24 орудий гвардии, сооружалась напротив Багратионовых флешей (ее обычно называют батареей Сорбье). Обе батареи должны были вести огонь в направлении д. Семеновское и по укреплениям к югу от нее, а батарея Фуше должна была направить часть своих усилий и на Курганную высоту, обстреливая ее совместно с орудиями 4-го корпуса перекрестным огнем^{xxiv}. Все остальные орудия предполагалось использовать в составе мобильных батарей. Так, в общей диспозиции и в приказе войскам Даву было предписано сформировать перед исходной позицией дивизии Компана батарею из 30 орудий под командованием генерала Пернетти (16 орудий корпусного резерва и 14 орудий дивизионной артиллерии); к ней должны были примкнуть 8 батарейных орудий дивизии Фриана и Дезе. Эти 38 орудий должны были вести огонь в тесном взаимодействии с 24 тяжелыми орудиями гвардии, соединив таким образом огонь 62 орудий. Равным образом к батарее Фуше примыкала остальная артиллерия 3-го и 8-го корпусов, составляя передвижные батареи^{xxv}. По мнению Фэна, общее число орудий перед 3-м корпусом составляло 60. Таким образом, против Багратионовых флешей, д. Семеновское и частично против Курганной высоты сосредоточилось в первой линии 102 орудия^{xxvi}. К этому следует добавить мобильные батареи, сформированные из орудий резервных кавалерийских корпусов. Наконец, надо учитывать полковую артиллерию, которая постепенно, по мере вступления войск в бой, также должна была сыграть свою роль.

Концентрация орудий для первого удара по русскому левому флангу казалась Наполеону такой значительной, что большую часть гвардейской артиллерии он решил оставить в резерве. Капитан Пион де Лош, командир артиллерийской батареи Старой гвардии, вспоминал, как ночью из-за путаницы с отдачей приказов он попытался выдвинуться в линию с теми гвардейскими орудиями, которые располагались в укреплениях, но был отчитан Наполеоном, на которого наткнулся в темноте, и отправлен обратно в тыл. Ф. Дюмонсо, офицеру 2-го полка гвардейских улан, в начале сражения даже показалось, что Старая гвардия «имела при себе всю резервную артиллерию», а эполемента были заняты исключительно орудиями Даву^{xxvii}.

По замыслу Наполеона, сотня орудий, с самого начала действующая по укреплениям первой линии левого фланга русских, должна была подавить или ослабить их сопротивление (особую роль здесь должны были сыграть гаубицы, ведущие огонь гранатами). Затем, по мере развития наступления и захождения правым флангом, особый урон неприятелю должны были нанести французские пушки, ведущие анфилирующий огонь ядрами по тесным русским порядкам, в том числе поражая и их тылы. Артиллерия не только должна была вести огонь с

большим напряжением с самого начала, но и наращивать силу огня по мере вступления в бой менее дальнобойных орудий. При этом сохранение весомого резерва из числа гвардейских орудий давало возможность быстро реагировать на неожиданное изменение ситуации, в том числе для парирования контратак врага и для нанесения по врагу решающего удара.

Всего, по нашим подсчетам, против русского левого фланга к югу от Курганной высоты и до северной окраины Утицкого леса оказалось сконцентрировано 297 орудий (без учета орудий гвардии, находившихся в резерве, исключая из последних 24 пушки и гаубицы, которые вели огонь с начала сражения). Общее число орудий этой группировки, включая все орудия гвардии, достигало 382-х.

Численность живой силы центральной группировки составила около 80 тыс. чел. (около 60 тыс. пехоты и 20 тыс. кавалерии, включая в эти цифры штат артиллерии). У Понятовского было около 8,5 тыс. пехоты и примерно 1,5 тыс. кавалерии при 50 орудиях. У Богарнэ — около 33 тыс. пехоты и 7 тыс. кавалерии при 152 орудиях^{xxviii}.

Основные перемещения французских войск на позиции, определенные диспозициями, произошли в ночь с 6 на 7 сентября. Но это не значит, что 6-го сентября все части и соединения Наполеона находились на тех местах, которые они занимали с вечера 5 сентября. Во-первых, значительно вперед продвинулись 3-й и 8-й армейские корпуса. К полудню 6-го они расположились в тылу Шевардинского редута. Подошел к главным силам и 4-й корпус резервной кавалерии — он оказался рядом с 1-м и 2-м, к юго-западу от редута. К вечеру подошла дивизия Пажоля; постояв на Большой дороге где-то перед д. Валуево, она получила приказ присоединиться к корпусу Монбрена, который бивакировал вблизи д. Доронино. Три дивизии Даву, стоявшие вокруг Шевардинского редута, сгруппировались, приняв своими рядами несколько вправо. Дивизия Жерара, вероятно вечером 6-го, переправилась на левый берег Колочи и встала позади войск Морана. Передвижения совершались и на северном фланге; возможно, передвигались некоторые части императорской гвардии. Наконец, 6 сентября ближе к полю предстоявшего сражения подтянули артиллерийские парки. Что же касается 5-го (польского) корпуса, то достоверных данных о его передвижениях найти не удалось.

День 6-го сентября не был отмечен активными боевыми действиями. Дюмонсо пишет, что было только несколько ружейных выстрелов на аванпостах, а адъютант Дезе Жиро д'Элен даже утверждает, что весь день «ни разу не стреляли». Оба они ошибаются. Перестрелки были и, по временам, очень интенсивные. Так, во второй половине дня разгорелся стрелковый бой между застрельщиками дивизии Морана и русскими егерями в оврагах и перелесках перед Бородино. Инициаторами, вероятно, выступили французские стрелки, которые пытались вытеснить русских с этого пункта. Даву, услышав пальбу, приказал бригадному генералу Ван-Дедему де Гельдеру, командиру бригады дивизии Фриана, «скакать во весь опор, чтобы прекратить огонь» и распорядиться, чтобы по всей линии никто больше не стрелял^{xxix}. Но стрельба продолжалась до позднего вечера. Капитан Ш. Франсуа из 30-го линейного полка дивизии Морана вспоминал, что 6-го его полк «был в застрельщиках вдоль линии русских аванпостов»; «русские занимали линию оврага, и мы перестреливались с ними всю вторую половину дня до 11 часов вечера». Батальоны 30-го полка последовательно сменялись, и 1-й

батальон, в котором был Франсуа, находился вечером на позиции в течение четырех часов, пока не был сменен 13-м легким полком той же дивизии. По свидетельству Франсуа, 30-й полк потерял в тот день 300 человек, из которых 67 было убито. Сам Франсуа около 8 часов вечера получил русскую пулю под левое колено, но, несмотря на боль и потерю крови, остался на позиции. После того как в 11 вечера батальон Франсуа сменили и он сделал переключку своей роте, то недосчитался 23 человек, из которых 16 было убито^{xxx}.

Стрелковый бой вели и солдаты дивизии Жерара. Два батальона 7-го легкого полка были посланы «к большому оврагу, перед Бородино, где стрельнула пушка». Весь остаток дня эти батальоны перестреливались с русскими, потеряв несколько человек убитыми и ранеными^{xxxі}.

Нечто более серьезное происходило на крайнем южном фланге. Утром и вечером 6-го сентября в районе Утицкого леса активно действовали польские застрельщики. Они, вероятно, вели бой по распоряжению командования. Их целью было, во-первых, отеснить русских стрелков как можно дальше в лес, «выиграв» некоторое пространство, а во-вторых, произвести разведку боем в районе Старой Смоленской дороги. Этот участок фронта оставался для французов большой загадкой. Полякам действительно удалось отеснить русских, что позволило Даву, Понятовскому и Фриану даже проехать по лесу некоторое расстояние. Но обширность леса и сопротивление русских солдат не дали возможности французскому командованию получить ясное представление о расположении русских войск на этом участке^{xxxіі}.

В целом действия полевых, наряду с передвижениями при свете дня французских войск к югу от Новой Смоленской дороги, сослужили Наполеону плохую службу. Русское командование, обеспокоенное давлением неприятеля в районе Старой Смоленской дороги и его передвижениями напротив Семеновских укреплений, перебросило в район Утицы 3-й корпус Тучкова 1-го. Это сорвало замысел императора совершить обход флешей войсками Понятовского.

Весь день накануне сражения главный хирург французской армии Д.-Ж. Ларрей пытался наилучшим образом распорядиться всеми имевшимися в его распоряжении медицинскими средствами. Еще в Смоленске, где скопилось 10 тыс. раненых, Ларрей распорядился оставить всех военных врачей резерва и 5 отделений амбулансов. В Гжатске, когда стало очевидным предстоящее генеральное сражение, Ларрей был вынужден потребовать в свое распоряжение полковых хирургов; 6 сентября у него таким образом для организации главного и промежуточных амбулансов было 36 хирургов. Еще в Гжатске удалось дожидаться значительной части специальных фур для перевозки раненых. Теперь они были распределены между амбулансами.

Место для амбуланса Главной квартиры и императорской гвардии определил сам Наполеон — в Доронино (по сути, он должен был стать главным амбулансом центра и правого фланга). Амбуланс левого фланга (на базе 4-го корпуса) разместился в небольшом леске в тылу правого фланга итальянской гвардии. Центральный амбуланс (одновременно должен был играть роль эвакуационного госпиталя) раскинулся в строениях Колоцкого монастыря и в д. Гриднево. Кроме того, по Новой Смоленской дороге развернули промежуточные амбулансы — в Валуево, Головино и в Акиньино. Наконец, вся эта система дополнялась амбулансами дивизий, а кое-где — и корпусов. Вечером Ларрей объехал все амбулансы и удостоверился в их готовности к приему раненых, а в случае необходимости — к передвижению вслед за войсками^{xxxііі}.

Как чувствовал себя Наполеон 6 сентября, в каком он пребывал настроении? В свое время Гурго начал по этому поводу полемику с Сегюром. По мнению последнего, Наполеон был очень утомлен и болен; вследствие простуды его мучили головные боли, насморк, обострилась уремия. Гурго возражал: накануне сражения император был как обычно деятелен, с раннего утра и до вечера был на аванпостах, проводил ревю частей, отдавал приказы, а на следующий день ранним утром снова был на ногах и контролировал передвижения войск. По-видимому, из современников наиболее взвешенную оценку дал Фэн. По его мнению, накануне генерального сражения Наполеон демонстрировал кипучую энергию — почти все время был на лошади, даже ночью посетил передовую линию; но это его очень утомило^{xxxiv}.

Действительно, только на две рекогносцировки у Наполеона ушло около 11 часов; большую часть этого времени он был на лошади (утром на Эмбели, во второй половине дня — на Эмире). Не могла не сказаться и тревожная ночь с 5 на 6, когда Наполеон спал не более трех часов, в палатке, сгорая от нетерпения перед долгожданной битвой и опасаясь того, что русские могут снова уйти. Погода была плохой: днем, а особенно ночью, дул порывистый ветер, временами шел холодный дождь; но главное — это были дни осеннего равноденствия, когда Наполеон всегда чувствовал себя плохо. Накануне сражения (5-го или 6-го сентября) император сказал своему личному врачу Э.-О.Метивье: «Да, доктор, видите, я стал старым». Сам же Метивье сообщает нам, что у Наполеона был сильный сухой кашель, затруднительное прерывистое дыхание, он мог мочиться с трудом, только по каплям и с болями; моча была густая и с осадком, его ноги и ступни сильно отекали, пульс был лихорадочным и прерывистым; все «симптомы подтверждали наличие отека грудной клетки» (по современной терминологии — отека легкого). Метивье заставил больного надеть теплые чулки, прописал успокаивающую микстуру и сделал специальные припарки для улучшения работы желудка. Понятно, что это была слабая терапия и она не могла дать немедленного эффекта^{xxxv}.

6 сентября Наполеон пишет Марие-Луизе письмо: «Мой добрый друг. Я очень устал. Боссэ доставил мне портрет Короля. Это шедевр. Я очень ценю Твою добрую заботу. Он (портрет. — В.З.) прекрасен, как Ты. Я напишу Тебе более подробно завтра. Я очень устал. Adieu, mio bene. Наполеон. Бородино, 6 сентября»^{xxxvi}.

Напряженный день 6 сентября серьезно утомил императора и обострил его болезни. Наполеон пытается превозмочь усталость и физические недуги; работает до позднего вечера, вникая в малейшие детали предстоящего сражения: новости из Испании еще раз подтвердили, что на карту поставлена судьба Империи. Наполеон уверен в успехе. Вопреки физической немощи, он в хорошем расположении духа. Портрет сына и письма императрицы оживили его, навеяли «оссианские настроения» (Даффи), пробудили склонность к романтическим жестам. Даже беседа с Фавье не развеяла это ощущение ожидания великого события. Но к вечеру усталость и болезни усилились. Наполеон нервно ожидает наступления утра, то посылая дежурного проверить, не ушли ли русские, то — один раз — выходит из палатки сам (согласно Фэну, Наполеон даже садился на лошадь и проехал вперед, к передовой линии. Коленкур об этом не пишет ни в мемуарах, ни в «Дорожном дневнике»). Подремать удалось мало, урывками. Заснуть он не смог. Около двух часов утра Наполеон вышел из палатки, сел на лошадь и поехал к Шевардинскому редуту. Начинался день 7 сентября.

Примечания

- ⁱ Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. Т. 2. P., 1838, p. 45.
- ⁱⁱ Caulaincourt A. Mémoires. Т. 1. P. 1933, p. 422-423; Segur Ph-P. Napoleon's Russian Campaign. L., 1959, p. 63; Rapp J. Memories of general Rapp. L., 1823, p. 199.
- ⁱⁱⁱ Большинство современников пишут о 6 утра (Денье), «рано утром» (Пеле), «в ранний час» (В. Кастеллян), «с первыми проблесками дня» (Л. - Ф. Лежен) и т.д., Но более следует доверять свидетельству А. Коленкура. В его «Дорожном дневнике» записано: «6-го, император сел на Эмбели (лошадь. — В.З.) в 2 часа утра, едет на редут, захваченный накануне...» (Caulaincourt A. Op. cit., p. 424. Note 1). В мемуарах Обер-шталмейстер пишет так: «Император посетил наши биваки в течение ночи, посетил русский редут...» (Ibid., p. 422). В 18-м бюллетене Великой армии также обозначены 2 часа утра. Любой серьезный исследователь истории 1812 г. сталкивался с проблемой сопоставления времени на основе свидетельств участников событий. По нашему мнению, большинство мемуаристов, как с русской, так и с неприятельской стороны, ориентировались на местное время, но и те и другие указывали его весьма приблизительно. 6 сентября в районе Москвы по местному времени солнце восходит в 5 час. 13 мин. (к этому следует добавить примерно 40-60 мин. предрассветных сумерек), заходит в 18 час. 42 мин. (прибавляем примерно 40-60 мин. вечерних сумерек).
- ^{iv} Пеле Ж. Бородинское сражение // Чтение в имп. о-ве истории и древностей российских. 1872. Кн. 1. М., 1872, с. 70; Fain A. Manuscrit de l'an 1812. P., 1827, p. 2,23. Note 1.
- ^v Kołaczowski J. E. Wspomnienia Jenerale Kłaczowskiego. Т. 1. Krakow, 1898, str. 119; Пеле Ж. Указ. соч., с. 62. У нас остались большие сомнения, объяснил ли Наполеон данную диспозицию Понятовскому по захвату Утицы во время первой рекогносцировки либо во время второй, что более вероятно.
- ^{vi} Denniée P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la Russie. P., 1842, p. 67.
- ^{vii} Caulaincourt A. Op. cit., p. 423.
- ^{viii} Brandt H., von. Souvenirs // Chiquet A. 1812. La guerre de Russie. Notes et document. 2-e Ser. P., 1912, p. 35.
- ^{ix} Bausset L.F.J. Mémoires anecdotiques...Bruxelles, 1827, p. 90.
- ^x Caulaincourt A. Op. cit., p. 422.
- ^{xi} Fain A. Op. cit., p. 9-10; Пеле Ж. Указ. соч., с. 62; Gourgaud G. Napoléon et la Grande Armée en Russie, ou Examen critique...2-e ed. p. 212-213; Thiers M.A. Histoire de Consulat et de l'Empire. Т. 14. P., 1856, p. 318.
- ^{xii} См.: Caulaincourt A. Op. cit., p. 423; Thiry J. La campagne de la Russie. P., 1969, p. 137.
- ^{xiii} Rapp J. Op. cit., p. 200-201.
- ^{xiv} Пеле Ж. Указ. соч., с. 70; Duffy C. Borodino. L., 1972, p. 82.
- ^{xv} Bulletins officiels de la Grande Armée. Campagnes de Russie et de Saxe. P., 1821, p. 100; Lejeune L.-F. Mémoires. Т. 1. P., 1895. P. 206; Denniée P. Op. cit., p. 70.
- ^{xvi} Bulletins..., p. 100; Correspondance de Napoléon I. Т. 24. P., 1868, p. 207. N 19183; Fain A. Op. cit., p. 14; The Letters of Napoleon I to Marie-Louise. L., 1935, p. 95; Fezensac M. The Russian Campaign, 1970, p. 30; etc.
- ^{xvii} За основу расчетов взято: Chambray G. Op. cit., p. 33; Пеле Ж. Указ. соч.; Fabry L. G. campagne de Russie (1812). Т.4. P., 1903. 5-й линейный вестфальский полк, оставленный в Гжатске, Шамбре и Пеле, вероятно, учтен. Что касается одного батальона Легиона Вислы, по некоторым данным также оставленном в Гжатске, то сведения о нем противоречивы. Интересны расчеты численности французской армии, сделанные американцем Р. Рьеном (Riehn R.K.: Napoleon's Russian Campaign. N.Y., 1990, p. 472-474; 478-480), в которых к сожалению, допущены многочисленные ошибки.
- ^{xviii} Thiers M.A. Op. cit., p.309; Caulaincourt A. Op.cit., p. 423; Fain A. Op.cit., p.13; Fezensac M. Op.cit., p. 30; Пеле Ж. Указ. соч., с.73. Примеч. Д, с. 105; Gorgaud G. Op.cit., p. 208-209; Vaudoncourt G. Mémoires pour servir...Londres; ect., 1815, p.177-178.
- ^{xix} Текст общей (генеральной) диспозиции приводится в «Correspondance» (N 1981, p. 206-207), у Шамбре (р.56), Фэна (р. 72-73) и Пеле (с. 99); подробное изложение дает Денье (р.72-73). У Пеле текст общей диспозиции помещен за подписью Бертье с удостоверяющей подписью начальника штаба 1-го корпуса Рамефа, и с указанием времени — 5 часов вечера. Все остальные тексты без

подписи и без указания часа. Приказы Мюрату (с указанием времени — 4,5 часа), Богарне (5 часов), Ларибуасьеру (5 часов), Дюма (5 часов) приводятся у Пеле. Дю Кассе (Du Casse A. *Mémoires et correspondance... politique et militaire du Prince Eugene*. Т. 7. 3., 1859, р. 466-467) воспроизводится приказ, направленный Бертье Евгению, во многом совпадающий с текстом Пеле, но помеченный 5 часами утра (!). Вероятно, это опечатка. По всей видимости, приказы, помеченные 4,5 и 5 вечера, были отданы Наполеоном устно во время 2-й рекогносцировки, а затем оформлены Бертье в письменном виде. Часть из них (общая диспозиция определенно) была продублирована в письменном виде под диктовку самого Наполеона вечером 6 сентября (по свидетельству Денье, между 9 и 10 часами вечера Наполеон продиктовал их нескольким офицерам квартиры и кабинета генерального штаба). О поприказах для корпуса Нея можем судить по его рапорту о сражении (Рапорт Нея, 9 сентября 1812 г. // *Bulletins...*, р. 134-135). Сохранились частные приказы: приказ, отданный Даву для трех дивизий 1-го корпуса (Chuquet A. *Op. Cit.* 1-e Ser., р.69-70), приказ корпусу Груши (в виде дружеского послания от Бельяра так как они были в тесных дружеских отношениях), помеченный 5 часами вечера (*Mémoires de Marechal De Grouchy*. Т. 3. P., 1873, р. 54); а также изложения частных приказов (скажем, приказа дивизии Дезе со слов Жиро д'Элена). Следует привлечь внимание и то, что многие приказы и уточнения Наполеон дал устно во время рекогносцировок (скажем, Понятовскому и Богарне), вечером и ночью в своей палатке; последние инструкции были даны устно 7 сентября у Шевардинского редута.

^{xx} Fain A. *Op. cit.*, р. 17; Thiers M.A. *Op. cit.*, р. 309-311. Американский исследователь Рьен, неверно поняв роль войск Богарне и Понятовского, утверждает, что ни тот ни другой не имели достаточно сил, чтобы эффективно выполнять свои задачи (Riehn R. *Op. cit.*, р. 245).

^{xxi} Об этой встрече пишут Фэн (р. 15) и генерал Бертезен (Berthezène P. *Souvenirs militaires*. Т. 2 P., 1855, р. 46). Но наиболее детально разговор Наполеона с Компаном передал Гурго (р. 216-217; Note 1). Судя по всему, эта встреча произошла вечером в палатке Наполеона, когда уже были отданы письменные приказы. В тексте общего приказа на сражение значится: «Генерал Компан идет вдоль леса...» (*Correspondance...*, р. 206).

^{xxii} О том, как в действительности была развернута дивизия Дезе, информация противоречива. Компан в рапорте после сражения утверждал, что Дезе утром 7-го сентября располагался в резерве позади 5-й дивизии (Ternaux-Compans. *Le général Compans*. P., 1912, р. 184).

^{xxiii} Подсчитано по: Fabry. *Op. cit.*; Пеле Ж. Указ. соч.; и по другим, более фрагментарным источникам.

^{xxiv} Общая диспозиция; Приказ для Ларибуасьера; Пеле Ж. Указ. соч., с. 72; Chambray G. *Op. cit.*, р. 47-48;

Thiers M.A. *Op. cit.*, р. 312-313; etc.

^{xxv} Общая диспозиция; Приказ для войск Даву; Приказ Даву войскам 3-х дивизий 1-го корпуса; Пеле Ж. Указ. соч. с. 72; Fain A. *Op. cit.*, р. 18; etc.

^{xxvi} Подсчеты Богдановича, Геруа и М. Кукеля также сходятся на цифре 102 орудия.

^{xxvii} Pion Des Loches. *Mes campagnes*. P., 1889, р. 287-289; Dumonceau F. *Mémoires*. Т. 2. Bruxelles, 1960, р. 133.

^{xxviii} Подсчитано по: Chambray G. *Op. cit.*, р. 33; Пеле Ж. Указ. соч.; Fabry L.G. *Op. cit.*; и по другим более фрагментарным материалам.

^{xxix} Dedem de Gelder. *Mémoires...* P., 1900, р. 236; Castellane V.-E.-B. *Journal*. Т.1. P., 1895, р. 148.

^{xxx} François C. *Journal...* Т. 2. P., 1904, р. 787.

^{xxxi} Bertrand. *Mémoires*. Augers, 1909, р. 124. Автор этих воспоминаний — сержант карабинерной роты 7-го легкого полка.

^{xxxii} Caulaincourt A. *Op. cit.*, р. 423; Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962, с. 92, 109, 135, 173; Поликарпов Н.П. К истории Отечественной войны 1812 г. Вып. 3. М., 1911, с. 80-82.

^{xxxiii} Larrey J.D. *Mémoires de chirurgie militaire...* Т. 4. P., 1817, р. 45-46; план; Приказ генерал-интенданту, 6 сентября 1812 г. // Пеле Ж. Указ. соч., с. 102; Французы в России. 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1. М., 1912, с. 105, 112 и др.

^{xxxiv} Gourgaud G. *Op. cit.*, р. 227-229, 232; Fain A. *Op. cit.*, р. 23. Note 1.

^{xxxv} Blond G. *La Grande Armée. 1804-1815*. P., 1979, р. 337; Delderfield R.I. *The Retreat from Moscow*. L., 1967, р. 103; etc.

^{xxxvi} *The Letters of Napoleon...*, р. 95.